

Нивхи считали, что обычные люди, умирая, уходят в загробный мир *млы-во*, где живут все умершие ранее сородичи, причем жизнь там ничем не отличается от земной. Задранные медведем, так же как умершие близнецы и их матери, становились «таежными жителями», утонувшие переселялись в водяной мир. Их боялись, но в то же время и ожидали от них милостей. Жертвоприношения духам воды, совершаемые родственниками утонувшего, предназначались и для самих утонувших. Систематически приносили жертвы умершим близнецам, матери близнецов.

Литература

- Крейнович Е. А.* Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков. — Этнография, 1930, № 1/2.
Крейнович Е. А. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. — Этнография, 1930, № 4.
Смоляк А. В. Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов Нижнего Амура. — СА, 1969, № 3.
Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903, Т. III.
Штернберг Л. Я. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы. Хабаровск, 1933.
Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

ЮКАГИРЫ

Сведения о похоронной обрядности юкагиров имеются в основном с XIX в.¹

В начале XIX в. Ф. Ф. Матюшкин видел на берегу Малого Анюя (правый нижний приток Колымы) «несколько памятников прежних времен: гробниц коренных обитателей страны — юкагиров или омоков». Это были «большие четырехугольные гробы на высоких столбах». Подобные сооружения назывались «сайбами» (сайбы, виденные Матюшкиным, уже обрушились). По его мнению, дерево для сайб было тесано каменными топорами (Врангель, 276). Подобные захоронения были характерны главным образом для тунгусов (Грачева, 64). Иохельсон также отмечал, что юкагиры в прошлом знали воздушное захоронение тунгусского типа в колодах, опирающихся на подпорки или пни (Jochelson, 1910, part 2, 164).

В отличие от тунгусов у юкагиров был развит культ предков. Они делали жертвоприношения предку у его могилы и вешали на стоящие рядом деревья больших деревянных идолов для устрашения злых духов. Один из таких идолов Иохельсон обнаружил на Колыме выше устья р. Ясачной. Он был воздвигнут таежными юкагирами в честь Табушкана — основателя Ушканского рода (Jochelson, part 1, 127). Табушкан, или Таушкан, жил в XVII в.

¹ О древних захоронениях юкагиров мало что известно. В записанной В. И. Иохельсоном легенде о сожителстве брата и сестры сообщается о поединке брата с «ледяным стариком» по имени Лунное Лицо. Брат убил старика и водрузил над его могилкой ивовый шалаш, покрытый травой (Jochelson, 1910, part 1, 84). Из текста непонятно, какая была могила. Скорее всего речь идет о паземном труположении — поэтому и потребовался шалаш.

Предок, которому оказывались особые почести, был обыкновенно шаманом — *alma* таежных (верхнеколымских) юкагиров или *wolman* — тундровых. По юкагирской классификации это был добрый шаман — «делатель» или «деятель», ибо юк. *alma* означает «делать» (Jochelson, 1910, part 2, 162). Злых шаманов-«заклинателей» юкагиры верхней Колымы называли *antaia'ye*, юкагиры тундры — *leu'niiboje*. Считалось, что они едят живых людей и вообще причиняют им вред. Поэтому их хоронили лицом вниз (Там же, 193).

Культе предков внешне выражался у юкагиров в том, что они расчленяли тело шамана после смерти на отдельные части, каждая из которых при соответствующем оформлении становилась охранителем сородичей предка. Указанный обычай был известен русским уже в XVII в. Избрант Идес, не видевший юкагиров, упоминал о них в своих записках именно в связи с данной особенностью: «Они тело умерших [шаманов] обрезают и кости сушат и украшают их разными рядами стеклянных бисер и около палатей подвешивают и молятся тому» (Древняя российская вивлиофика, 451).

В справке, присланной Г. Ф. Миллеру из Якутска (первая половина XVIII в.), сообщается, что когда юкагирские шаманы умирают, юкагиры, «обрезав тело, их кости украшают по своей шертге¹ бисерами и одекуем и звериными лоскутками и, положя в мешок, возят с собою в юртах и берут на промыслы» (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 365, ч. 1, № 2, л. 59 об.).

Эта характерная особенность юкагирского культа предков проникла и к тунгусам (эвенам) северо-восточной Якутии. В своем описании Верхоянского округа (середина XIX в.) А. И. Худяков писал: «Некоторые тунгусы возят с собою кости покойных шаманов» (Худяков, 107).

Процедура расчленения тела шамана описана Иохельсоном. Для этого юкагиры надевали перчатки и маски, брали железные крючья, оттягивали ими мясо и обрезали. Мясо высушивали на солнце и делили между собой. Кости также делили. Череп получал старший в роде (Материалы. ., 110—111).

Свои «паи» юкагиры хранили «в специально устроенной урасе» (чуме). Убивали хороших собак и их мясо «к своим паям клали». Череп шамана почитали особенным образом. «Для него деревянного человека делали, туловище его как человека делали. Череп его там приставляли. Для него одежду делали [из ровдуги]. Ту одежду вышивали. . . Для его лица одежду делали, места для глаз белые делали; рот ему тоже делали. Сверху того вышитого кафтана его одевали кафтан из шкур пшжиков. Сверху этого дымленными ровдугами заворачивали. После этого сажали, в переднем углу сажали. Хорошее что когда едят, в огне жгут, перед ним держат. Таким образом кормили, при каждой еде так делали. Этого как бога имели. . .»² (Там же)

¹ *Шертгь* — вера, обычай.

² Н. И. Спиридонов пишет об этом несколько иначе: скелет умершего шамана или старейшины юкагиры очищали от мягких тканей, облекали в «костюм» и возили с собой «в виде своего защитника и покровителя». О дележе мяса или костей Спиридонов не сообщает (ААН, ф. 47, оп. 2, д. 164, л. 89).

Идола с черепом предка юкагиры называли *хоил* (Иохельсон, 1898, 34). В дневниковых записях Иосифа Биллингса (конец XVIII в.) юкагирское *хоил* переведено словом «бог» (ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 259, л. 152).

Насколько можно понять из сообщения Иохельсона, омонгонские³ юкагиры в конце XIX в. уже не носили с собой этого идола, а хранили его в деревянном ящике на шестах и деревьях, подобно тому как они хранили своих любимых родственников. То же говорит Иохельсон о хранении мяса шамана юкагирами, жившими между Колымой и Индигиркой (Иохельсон, 1900, 181; Jochelson, 1910, part 2, 164—165).

В низовьях Яны во времена Иохельсона сохранялись рассказы о том, что «юкагиры и вяленые кусочки мяса покойного шамана или представителя рода зашивали в кожаные мешочки и носили как амулеты». Такой амулет был обнаружен устьянским священником у омолойского⁴ юкагира (Иохельсон, 1898, 34).

Согласно экспедиционному отчету якутского этнографа К. И. Горохова (1953—1954 гг.), янские эвены-тюгесиры, долгое время жившие вместе с юкагирами, помнят, что их предки тоже расчленили тело умершего шамана и долили между собой. Каждая семья из доставшейся ей части делала «куколку», у которой, держа ее над дымом, просили удачи на промысле (Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 264, л. 59). В другом месте отчета Горохова сообщается, что местные юкагиры и эвены разделявали тело шамана, как оленя, а сердце разрезали на две половины. Затем над телом сооружали остов «урасы» и, стоя вокруг нее спиной к телу, старались, не оборачиваясь, достать пиками свои доли. Тот, кому доставалось сердце, почитался счастливецом. Сделанные из мяса «куклы» одевали, из волос шамана делали для них волосы, из бус — глаза. Куклы хранились в специально сшитых для этой цели «матагах»⁵ и всюду возили с собой. Перед промыслом «шайтана» извлекали из матаги, зажигали и «кормили» огонь. Направление дыма истолковывалось как указание, в какую сторону следует идти промыслять. Потеряв оленей, эвены и юкагиры просили «шайтана» их привести. Если олени находились, считалось, что «привела их бабка-шайтан» (Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 264, л. 128).

Иохельсон сообщает о гадании верхнеколымских юкагиров на костях шамана: их «качали» над дымом, шедшим от брошенного в огонь сала. Ответ узнавали по тому, легки или тяжелы кости, когда их приподнимали после соответствующего жертвоприношения (Материалы..., 87).

Употребление масок при операции над телом шамана, а также доставание его мяса пиками, повернувшись к нему спиной, возможно, указывает на то, что юкагиры остерегались смотреть на почитаемых предков.

³ Река Омон — правый приток Колымы.

⁴ Река Омолой впадает в Ледовитый океан к западу от Яны.

⁵ *Матага* — несомненно тунгусское слово, однако у эвенков или эвенов мы такого термина не обнаружили. Ульчско-нахайское *матага* означает «чуман» — неглубокую берестяную посуду (Сравнительный словарь..., т. 1, 533). У Горохова в примечании к слову *матага* сказано: «Матага — из лапок оленя». Вероятно, на Яне матага представляла собой меховой мешок.

О том же свидетельствует записанный Йохельсоном «Рассказ о Шартадизе» — коркодонском шамане. Аналогичный запрет существовал у юкагиров и в отношении «лица» убитого лося (Там же, 126, 158).

Характерно, что чуванцы и ходынцы, жившие в XVII—XVIII вв. к востоку от нижней Колымы, не расчленяли тела умершего шамана, а хоронили его обычным способом. Об этом свидетельствуют находки Матюшкина на Малом Аяке. «В одной из гробниц, — пишет он, — нашли мы остатки бубна и несколько медных колец и колокольчиков, принадлежавших, вероятно, погребенному тут шаману». Один из сопровождавших Матюшкина юкагиров «утверждал, что в могилах шаманов попадаются иногда остатки идолов, а также разные вещи из китового уса и меди» (Врангель, 225, 277). Не исключено, однако, что местные гробницы принадлежали ламутам (эвенам).

На рубеже XIX—XX вв. юкагиры стали переходить к погребению покойников в земле, что было связано с распространением среди них христианства. По нашим полевым материалам, таежные юкагиры ориентируют мертвых в могиле головой на запад, глазами — «на солнце», как и тунгусы. У юкагиров и эвенов Алазеи принята ориентировка головой на север, глазами — на юг (АИЭ. Материалы Северной экспедиции, 1969, тетр. 1, л. 76; 1970, тетр. 1, л. 28 об.; тетр. 2, л. 14 об.).

На могилах юкагиров в конце XIX—первой половине XX в. можно было видеть сломанные нарты, верховые седла, продырявленные металлические чайники, тазы, миски, сложенные в кучку или связанные узлом носильные вещи покойного, оставляемые в соответствии с традиционными представлениями о загробной жизни.

Литература

- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири к Ледовитому морю. М., 1948.
- Грacheва Г. Н. Конструкция погребальных сооружений у некоторых сибирских народностей. — В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии. 1975. М.: Наука, 1977.
- Древняя российская вивлиофика. М., 1789. Ч. VIII.
- Йохельсон В. И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов. — Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО, 1898, т. XXIX.
- Йохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.
- Йохельсон В. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные обычаи и взаимодействие различных племенных диалектов. — Живая старина, 1900, вып. 1/2.
- Курилов С. Ханидо и Халерха. М.: Изд-во худ. лит., 1969. Ч. 1.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков Л.: Наука, 1975. Т. 1.
- Худяков А. И. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
- Jochelson W. J. The Jukaghir and jukaghirized Tungus. New York, 1910. Т. IX,

ЧУКЧИ

Традиционные представления чукчей о жизненном цикле человека неоднократно привлекали к себе внимание этнографов (Богораз, 1939; Вдовин, 1976). По представлениям чукчей, человек, как и все в природе,

являлся существом, обладающим двумя состояниями: видимым, воспринимаемым нашими органами чувств, и невидимым, но сохраняющим свою предметную сущность и свои житейские свойства (Вдовин, 244—245).

Считалось, что после смерти человек продолжает жить, занимается теми же делами, что и при жизни, но уже за пределами непосредственных ощущений живого человека.

По понятиям чукчей, помимо жизни людей на земле существуют свои формы жизни и над небесной твердью, и под землей. У каждого человека имеется свой *увирит* (от чукотского *увик* — «тело, туловище») — нечто вроде его жизненной силы («душа»). Это нечто, заключенное в физическую оболочку человеческого тела, сохраняет при всех обстоятельствах внешний облик своего хозяина и, отделяясь от его тела, когда наступает смерть, продолжает жить дальше само по себе такой же жизнью, как и на земле. В зависимости от причины смерти «увирит» попадает либо на небо к верхнему народу (*гыргоярмкын*), либо в подземную вселенную к нижнему народу (*нотоск'ырамкын*). Таким образом, смерть рассматривалась чукчами только как переселение, как изменение места обитания, а в остальном жизнь «там», в потустороннем мире, устроена так же, как и на земле (Богораз, 1939, 43—45).

На небо попадали увирит лишь тех, кто умирал «достойной» смертью, т. е. как воин, погибший во время сражения, или как человек, жизнь которого прекратилась в результате добровольной смерти. Переселившиеся таким образом на небо предки продолжали вести тот же образ жизни, что и на земле.

Погребальный обряд преследовал цель не только похоронить человека, а соответствующим образом подготовить и отправить в потусторонний мир. Описаний традиционных похорон чукчей сохранилось у нас довольно много (Богораз, 1939; Вдовин, 246—253; Беляева, 32—33; Леонтьев, 133—138).

Описания погребального обряда позволяют восстановить целый цикл действий, последовательно совершавшихся с момента наступления смерти человека до его погребения и следующих за ним «поминок» (Якутские епархиальные ведомости, 92—96). Как отмечает В. Г. Богораз, «по исконным чукотским понятиям, гораздо приличнее кончить жизнь от собственной руки, чем дожидаться бесславной смерти от изнурительной болезни или голодного истощения» (Богораз, 1889; 364).

Желающий добровольно умереть заявлял об этом родственнику, и тот должен был исполнить его просьбу: или путем удушения ремнем или ударом копья в сердце (Аргентов, 45). Чаще всего добровольную смерть предпочитали старики или страдающие какой-нибудь тяжелой болезнью (Богораз, 1934, 106—112; Зеленин, 47—78).

У чукчей, по свидетельству Сарычева, «естественная смерть считается бесчестной и приличной одним лишь бабам» (Сарычев, 109).

Считалось, что на том свете «лучшие места для обитания отдаются людям, умершим добровольной смертью: «Они живут в красном пламени северного сияния и проводят время за игрой в мяч, причем мячом служит моржовый череп» (Богораз, 1934, 108).

Перед уходом в «мир предков» решивший умереть устраивал для своих близких обильное угощение, во время которого собравшиеся делились воспоминаниями о нем. Акт лишения жизни производился в пологе.

Болезнь трактовалась чукчами как проникновение в тело человека вредоносных существ *кэльэт*, поэтому труп человека, умершего от болезни, вскрывали, чтобы рассмотреть его внутренности и установить, какие из них «съедены» кэлэ (Богораз, 1934, 108). Человек, умерший от болезни, попадал не на небо, а в подземный мир, считавшийся землей кэльэт.

В соответствии с такими представлениями и в зависимости от специфических экологических и социальных условий у чукчей сложились следующие виды захоронения: трупосожжение и оставление тела на земле.

Наиболее подробно был описан В. Г. Богоразом похоронный обряд оленных чукчей с оставлением трупа в тундре. В отличие от них у береговых чукчей этот обряд проводился в упрощенной форме. Чукчи-оленоводы в лесной зоне предпочитали сжигание трупа. При каждом способе захоронения в чукотском погребальном обряде можно выделить три комплекса: 1) обычаи и обряды, соблюдавшиеся с момента смерти до выноса умершего из яранги; 2) обычаи и обряды, выполненные по пути к месту погребения, при самих похоронах и во время возвращения участников похорон домой; 3) обычаи и обряды, соблюдаемые после похорон до того времени, пока удириты умершего переселяются в мир иной.

У оленных чукчей с умершего сразу после смерти снимали всю повседневную одежду и клали во внутренний полог, чтобы не попадал дневной свет. С умершим оставляли одного человека — сторожить, чтобы покойник не встал и не нанес вреда. В ночь перед похоронами приглашали еще «знающего» человека, «защитника», которым мог быть как мужчина, так и женщина.

В день похорон с утра чукчи-оленоводы забивали двух оленей, перед входом в ярангу разводили костер и приносили огню обычные жертвы. Затем «проводчатые» (две-три пары ближайших родственников умершего) входили в полог и приступали к обряжанию покойника. Погребальную одежду обычно готовили заранее или для нее припасали необходимые шкуры. Для такой одежды не употребляли покупные ткани, отдавалось предпочтение белым шкурам как для мужской, так и для женской одежды. Для подошвы использовали шкуры лахтака. Шили одежду белыми сухожилиями, т. е. нечервленными; шкуры не окрашивали ольхой, улы на нитках не завязывали.

Погребальная одежда раскладывалась на шкуре, прикрывающей покойника. На шкуру клали также: для мужчин — нож в новых ножнах, копьё, лук со стрелами, точильный камень в футляре, трубку и кисет с табаком, чашку и три мешка провизии; для женщин — скребок и рабочий мешок с иглками и наперстком. На шкуре около рта умершего делали отверстие, туда просовывали кусочки пицци для покойника.

Первыми прощались с умершим муж или жена. После прощания покойника «мыли»: это проделывали символически — при помощи маленькой деревянной миски и пучка травы. Каждый из «проводчатых» опускал

пучок травы в миску и проводил им по телу покойного. Затем приступали к одеванию. Это была довольно трудная работа, так как нужно было одеть покойного, не сдвигая с него шкуру; ни одну часть голого тела покойника не принято было видеть.

Лицо покойного закрывали лоскутом меха оленя, у женщин голову прикрывали капюшоном кухлянки. К мужской меховой рубашке пришивали капюшон, который отличался от обычного чукотского, скорее напоминал корякский. Поэтому покойника называли «человек с капюшоном». От одежды покойного обычно брали обрывок оленьей шкуры или узкую полоску от воротника из собачьего меха и приобщали это к семейным «охранителям».

После одевания покойного переносили на середину полога или во внешнюю часть яранги головой к востоку. Затем «гадали» по подвешенным предметам (дорожный посох — для мужчин; длинная ручка скребка для обработки шкур — для женщин), чтобы определить, каким способом покойник желает быть похороненным.

В большинстве случаев труп просовывали под покрытие яранги с задней стороны, после чего все следы этого выхода тщательно заделывались. При этом в жертву приносили щенка, труп которого оставляли лежать в течение трех дней до окончания похоронного обряда. Нарты, на которые клали покойного, устанавливали слева от входа в ярангу передком ко входу, а задней частью — по направлению выбранной дороги.

В. Г. Богораз отмечает, что с похоронами у чукчей был связан ряд запретов; нельзя бить в бубен в стойбище в течение трех ночей после смерти, нельзя женщинам работать иглой и скребком в течение трех дней (во избежание возвращения умершего обратно в ярангу). Нарушение запретов требовало повторения всего обряда.

По прибытии на место, «избранное» покойным, выбирали ровную площадку и отмеряли место, соответствующее размерам тела. Выбранное место обкладывали камнями, образуя «погребальную ограду» в виде вытянутого овала, обращенного к полночи, по направлению к которой нарты с трупом ставили передком.

Затем выпрягали оленей и закалывали (у приморских чукчей — собаку), потом снова надевали на них упряжь, причем хомут надевали с правого плеча. Распорядитель похорон, сидя на нартах, сильно дергал вожжами, погонял убитых оленей кнутом — отправлялся с покойником в страну мертвых. Когда олени после агонии переставали дергаться, распорядитель объявлял о том, что доехали до края земли мертвых. Здесь с убитых оленей снимали упряжь. Труп поднимали с нарт и укладывали внутрь «погребальной ограды» головой к северу.

Оленей обдирали и мясо разрезали на мелкие кусочки, кости ног разбивали, рога снимали с теменной костью. Возле трупa разбрасывали куски сала, начиненные жиром кишки, специально принесенные для этой цели. У трупa оставляли две жерди, которые подкладывали под полозья нарт во время гадания перед началом похоронной процессии (считалось, что это деревянные ноги, которыми будет пользоваться покойный в стране мертвых). Затем провожатые развязывали ремень и всю одежду на умершем разрезали; каждый ее кусок заменяли куском мяса.

Лицо покойного закрывали двенадцатиперстной кишкой. «Защитник» обвязывался в пояс длинным куском ремня; ремень уносили домой, где произносили над ним особое заклинание.

Рядом с трупом клали орудия промысла, предметы быта, принадлежавшие ему при жизни, а также запас еды «на дорогу» (Богораз, 1900). Затем одна из старых женщин в специальных перчатках длинным ножом вспарывала грудь и живот умершего и перерезала горло, чтобы «освободить душу» умершего, улетающую через этот разрез. Тело умершего, которое уходит «пешком», не закрывалось мясом. По окончании обряда участники процессии выстраивались снова, но порядок шествия изменялся. «Защитник» и распорядитель шли сзади, каждый из них проносил несколько охраняющих заклинаний. Проводилась черта поперек дороги (символ бездны); на дороге оставляли маленький камень (символ высоких гор). Чашку и пучок травы, употребляемые при омовании покойника, зарывали в землю («превращали» в море и непроходимую чащу).

Две старшие женщины выходили навстречу возвращающемуся шествию и раздавали каждому по куску вновь ссушенной сухожильной нитки, растрепанной в конце, над которой заранее были произнесены заклинания. Каждый из участников обматывал полученное сухожилие вокруг ивовой ветки, затем разматывал ее и обвязывал вокруг своего правого запястья, а ивовые ветки бросал в огонь как очистительную жертву, освобождающую от вредного общения с мертвым телом. Затем каждый отрезал часть ремня, принесенного с места погребения; этим разрывалась связь между участниками похорон, и дух умершего не мог найти всех сразу. Шкуры убитых на могиле оленей расстилали в спальном пологе и оставляли на пять дней.

В некоторых районах Чукотки на следующий день после похорон почти все население стойбища посещало могилу, совершали жертвоприношение и оставляли около покойника оленьи рога (Богораз, 1900, 81—88). По возвращении устраивалась трапеза. Через пять дней снова посещали могилу, а затем в стойбище справляли «Праздник рогов» (Богораз, 1900).

После этого семья умершего переносила свою ярангу на другое место.

При сжигании трупа обряды были почти те же. У покойника обычно перерезали только горло; труп клали спиной на костер и сверху закрывали дровами. Приносимых в жертву оленей оставляли на месте несвежеванными, со сломанными рогами и отрезанными ногами. Несгоревшие части трупа зарывали в золу костра. При разжигании костра нельзя было употреблять семейное сверло для добывания огня.

Сжигание трупа преимущественно применялось по отношению к умершим в бою или умертвленным по собственному желанию. Считали, что у покойников, которых сжигали, их «увирит» переселяется в потусторонний мир с упряжкой оленей и личными вещами по столбу дыма, поднимающемуся от костра. Только в редких случаях тела людей, смерть которых наступила в результате добровольного отказа от жизни или от старости, выносили на возвышенное место (в случае отсутствия топлива для сжигания трупа). Если труп поедали хищники, это считалось хоро-

шим предзнаменованием: думали, что увидит перенесся в верхний мир. Трупы умерших от болезни оставляли просто на земле в тундре — приближали таким образом тело к месту обитания вредоносных существ (кэлэт). Считалось, что увидит человека, съеденного кэла, не возвращается и не воплощается во вновь родившегося ребенка.

На погребальные обряды чукчей христианство не оказало влияния, так как обращение чукчей в православие имело место только около русских поселений Анадыря и Нижнеколымска.

Литература

- Аргентов А.* Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности. — Зап. Сибирского отд. РГО, 1857, кн. IV.
- Беляева А. В.* Этнографическая поездка в Анадырский район. — Краеведческие записки, Магадан, 1965, вып. 5.
- Богораз В. Г.* Сказание об Эленди. — Живая старина, 1889, т. IX, № 3.
- Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.
- Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934, 1939. Ч. 1, 2.
- Вдовин И. С.* Природа и человек в религиозных представлениях чукчей. — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
- Зеленин Д. К.* Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937.
- Кибер.* Чукчи. — Сибирский вестник, 1824, ч. II, кн. 9—10.
- Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973.
- Нижне-Колымский житель Ч—О.* Трагическая смерть чукчей-фанатиков. — Якутские епархиальные ведомости, 1889, № 6/7.
- Сарычев Г. А.* Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога в 1791 г. СПб., 1811.

ЭСКИМОСЫ

Этнографические материалы XIX—XX вв. о похоронно-поминальной обрядности азиатских эскимосов фрагментарны. Краткие описания похорон имеются у В. Г. Богораза (1939), где эскимосы не отделены от береговых чукчей, Е. С. Рубцовой (1954), Г. А. Меновщикова (1959), А. И. Мисеева (1946); осенний поминальный обряд описан И. К. Вобловым (1952).

Богатейшие археологические данные, собранные в результате раскопок на Чукотке целой серии древнеэскимосских могильников (Уэленского, Эквенского, Чинийского и др.), к сожалению, могут иметь лишь сравнительно-историческое значение, поскольку в древности обряд захоронения у азиатских эскимосов резко отличался от того, что наблюдали в XIX—начале XX в.

Настоящая статья написана на основе литературных данных, а также полевых материалов автора, собранных в 1977 г. в Провиденском районе Чукотского автономного округа у представителей чаплинцев, аванцев, кивакцев и сиренинцев.